

Деятельность Рейнского миссионерского общества на Берегу Маклая в 1887–1914 гг.

Андрей Владимирович Туторский,

кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва.

E-mail: tutorski@mail.ru

В статье предпринята попытка дать краткий обзор истории Берега Маклая в 1887–1914 гг. Текст основан на немецких источниках из архива Объединённой лютеранской миссии в Вуппертале, которые содержат отчёты миссионеров, письма в Германию, карты станций, словари местных наречий и множество другой информации. Точка зрения автора представленной работы в определённой мере противостоит данным английских и австралийских колониальных архивов, в которых значение немецкого влияния на Берегу Маклая преуменьшается. В статье освещаются три важных аспекта: основные исторические факты, связанные с деятельностью Рейнской лютеранской миссии в Новой Гвинее, организацией станций и деятельностью первых миссионеров; исследования, предпринятые миссионерами и касавшиеся лингвистических и географических особенностей региона (демонстрируется разница в успехах лингвистических исследований по составлению словаря языков бонгу и богадым); обстоятельства так называемого Восстания Сиар, которое датируется свидетельствами устной истории и австралийскими учёными 1904 г., но в немецких документах значит 1912 г. Столкновения 1904 г. в отчётах рейнских миссионеров не отражены совсем. Восстание 1912 г. упоминается только в связи с переселением жителей о. Сиар на берег и свёртыванием деятельности одноимённой станции. В исследовании показывается, как новая власть в регионе пыталась скорректировать историю. Немецкие миссии обходили молчанием присутствие Н.Н. Миклухо-Маклая в заливе Астролябия. В свою очередь, австралийская колониальная администрация хотела преуменьшить присутствие Германии и результаты деятельности её граждан в регионе.

Ключевые слова: Н.Н. Миклухо-Маклай, Рейнское миссионерское общество, залив Астролябия, владение историей, Восстание Сиар.

Rhenish Mission Society on the Rai-Coast in 1887–1914.

Andrey Tutorskiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: tutorski@mail.ru.

The main aim of the article is to give a brief overview of the history of the Maclay coast (contemporary name 'Rai-coast') in 1887–1914. The paper is based on German sources from the archive of the United Evangelical Mission in Wuppertal

(Archive der Vereinten Evangelischen Mission in Wuppertal), which contain the reports of the missionaries, letters to Germany, maps of stations, dictionaries of local idioms, etc. The author's opinion is opposed in a way to the data of English and Australian colonial archives which understate the importance of the German influence on the Maclay Coast.

The article touches upon three main aspects. Firstly, the main historical facts related with the activities of the Rhenish Missionary Society in New Guinea, the organization of the stations and the activities of first missionaries. Secondly, the research on linguistic and geographic peculiarities of the region (the difference of linguistic studies in lexicography of Bongu and Bogatim languages is demonstrated). Thirdly, so called Siar revolt which is dated 1904 by the testimonies of oral history and Australian scientists, but 1912 in German documents. The conflicts in 1904 are not described in the reports of Rhenish missionaries. The 1912 Revolt is mentioned in connection to the resettlement of the inhabitants of the Siar island to the coast and termination of the activity of the station. The research demonstrates how new authorities tried to adjust the history in the region. German missions kept silent about Miklukho-Maclay's presence in Astrolabe Bay. In turn, Australian colonial administration preferred to underestimate the presence of Germany and the results of its activity in the region.

Keywords: N.N. Miklukho-Maclay, Rhenish Missionary Society, Astrolabe Bay, history mastery, Siar Revolt.

На рассвете 23 марта 1883 г. корвет «Скобелев» (бывший корвет «Витязь», переименованный в 1882 г.) отошёл от Берега Маклая и взял курс на север. Капитан корвета Н.В. Копытов нашёл порт кн. Алексея непригодным для стоянки крейсеров и отказался от его подробного картографирования. Он считал, что наилучшим местом якорной стоянки в округе был о. Сегу. Накануне отплытия Н.Н. Миклухо-Маклай отправился на Сегу и договорился с папуасом Каином о том, что вернётся на Новую Гвинею и поселится на о. Маласпена (недалеко от Сегу). Его планам не суждено было сбыться. 5 ноября 1885 г. в Порт-Финш на северо-восточное побережье Папуа — Новой Гвинеи прибыли первые представители Новогвинейской компании [10, p. 21]. Север острова стал частью немецкой колонии Земля кайзера Вильгельма.

Территория вдоль залива Астролябия стала местом работы Рейнской лютеранской миссии. Она берёт своё начало от учреждённого в 1799 г. в г. Эльберфельде (часть современного г. Вупперталь) миссионерского союза «Эльберфельд» (Missionsverein "Elberfeld"). В 1828 г. в результате объединения организаций Эльберфельда, Бармена (также часть современного Вупперталя) и Кёльна образовалось Рейнское лютеранское миссионерское общество. Под этим названием оно просуществовало до 1971 г., когда стало частью Объединённой лютеранской миссии (Vereinte Luthertische Mission).

В настоящей статье на основании архивных источников Объединённой лютеранской миссии в Вуппертале будут освещены некоторые аспекты

исторического развития Берега Маклая (Побережье Раи в англоязычной традиции). Материал разбит на три основных блока: история основания лютеранских миссий, изучение местных языков, а также изменение прозелитической политики на рубеже XIX—XX столетий.

Тема истории Берега Маклая известна отечественным читателям через маклаеведческие исследования, т.е. учёные преимущественно смотрят на этот регион как на то место, где жил и работал Н.Н. Миклухо-Маклай [6; 7] и где сохранились память и предания о нём [2; 5]. Примечательно, что современная англоязычная историография переживает в последнее десятилетие своеобразный бум реституции интеллектуальной собственности, в рамках которого все ранние записи фольклора, зарисовки предметов материальной культуры и даже просто дневниковые записи «возвращаются» в культуру, где были зафиксированы. В рамках этого направления дневники и рисунки Н.Н. Миклухо-Маклая также приобретают популярность и новое звучание [8; 12]. В связи с этим в каждом разделе будут сделаны полемические отсылки к маклаеведческим исследованиям, с тезисами которых можно поспорить, основываясь на вводимых в научный оборот новых архивных материалах.

Исследований, посвящённых христианизации Берега Маклая, не так много. Есть лишь несколько общих работ о немецком присутствии в Тихоокеанском регионе [10; 14], а также очерков о христианских миссиях в том же регионе вообще [11]. Единственной специальной работой по данной теме является статья австралийского антрополога Питера Лоуренса «Влияние лютеранской миссии на сообщества (округи. — А.Т.) Маданга» [16]. Автор последовательно придерживается точки зрения о том, что лютеранская церковь не оставила сколь-нибудь важного следа в истории местных сообществ. Если он и был, то лютеранские миссионеры, вместе с остальными немецкими мигрантами на Берег Маклая, воспринимались как некие «злые божества» [17, р. 62]. П. Лоуренс в своих исследованиях основывался на полевых материалах, собранных им на Берегу Маклая в 1948—1949, 1953 и 1958 гг. Это были интервью с адептами местных карго-культов, в основном сторонниками культа Яли. Также значительное влияние на восприятие П. Лоуренсом «немецкого наследия» оказало то, что немецкие миссионеры воспринимались австралийской администрацией в 1950-е гг. как сторонники бывшей немецкой колониальной администрации. В одном из дневников он задаёт такой риторический вопрос: «Можно только с удивлением спросить, не является ли неприязнь между Миссией и правительством следствием прогерманской ориентации части её сотрудников, а также её современное желание сотрудничать с Администрацией — признанием её политического провала в 1945 г.» [21, р. 22].

Вводимые в настоящей статье источники отличаются от материалов П. Лоуренса. Это полугодовые отчёты немецких миссионеров, написанные немецкой скорописью или набранные на печатной машинке (с начала XX в.), которые отправлялись в центральный офис миссии в Бармене, а затем публиковались в «Сообщениях Рейнского миссионерского

общества» (далее — «Сообщения...»). Как правило, сущностная часть отчётов попадала в «Сообщения...», которые более доступны для исследователя, поэтому в работе даются ссылки в основном на них, а при необходимости — непосредственно на архивы.

На Берегу Маклая было основано четыре миссионерские станции: Богадым (осн. в 1887 г.), Бонгу (осн. в 1896 г.), Сиар (осн. в 1899 г.) и Рагетта (осн. в 1902 г.). Бонгу и Богадым (Богати — в дневниках Н.Н. Миклухо-Маклая) располагались в южной части залива Астролябия, а Сиар и Рагетта — на небольших одноимённых островках (острова Довольных Людей — в дневниках Н.Н. Миклухо-Маклая) в северной части залива около порта Фридриха Вильгельма (немецкое название г. Маданг). Миссионеры составляли регулярные полугодовые отчёты о своей деятельности, которые отсылали в штаб-квартиру миссии в Бармене. Кроме того, в архиве миссии содержатся письма, научные статьи, материалы конференций с участием членов общества. Эти источники позволяют взглянуть на взаимоотношения местного населения и немецких миссионеров в режиме реального времени, над ними не довлеют позднейшие оценки, которые воспроизводятся в устных сообщениях папуасов и преобладают в англоязычных статьях.

В качестве отправной точки нашей работы возьмём дату основания первой станции — Богадым — в 1887 г. Конечной датой будет служить 1914 г., когда австралийские войска взяли под свой контроль Землю Кайзера Вильгельма. Впоследствии на этих землях был создан австралийский протекторат Территория Новая Гвинея.

Автор настоящей статьи не ставит перед собой задачу изучения этапов христианизации населения Берега Маклая, поскольку это было уже сделано в работе П. Лоуренса «Путь карго» [17, р. 62]. Взгляды упомянутого исследователя были описаны на русском языке в сборнике «Старое и новое в изучении этнографического наследия Н.Н. Миклухо-Маклая...». В том же сборнике была прослежена взаимосвязь изменения образа «Маклая» в местных легендах с 1870 по 2010 г. в связи с этапами христианизации местного населения и изменением его культуры [5, с. 155—203]. В настоящей статье внимание будет уделено более узким, но не менее интересным вопросам, связанным с немецким присутствием на Берегу Маклая.

Актуальность данного исследования заключается в следующем. Во-первых, это продолжение традиции изучения и углубления знаний о папуасах Берега Маклая в рамках маклаеведческих штудий. В частности, несмотря на то, что рейнские миссионеры почти не упоминают Н.Н. Миклухо-Маклая, его влияние очевидно прослеживается в событиях 1887—1914 гг. Во-вторых, материалы Архива Объединённой лютеранской миссии позволяют по-новому взглянуть на дискуссионные вопросы истории Берега Маклая. В частности, в литературе преобладает «австралийский взгляд» на немецкий период в истории Папуа — Новой Гвинеи. На основании материалов лютеранской миссии мы продемонстрируем тенденциозность этого взгляда.

ОСНОВАНИЕ МИССИОНЕРСКИХ СТАНЦИЙ НА БЕРЕГУ МАКЛАЯ

Накануне основания миссионерских станций центром немецкой колонии на Берегу Маклая была деревня Бонгу, жители которой принимали немцев за братьев Маклая. Именно туда прибыл в 1887 г. первый лютеранский миссионер Томас. Он совершил путешествия по окрестностям Бонгу, был на Били-Били и островах Довольных Людей. «Томас решил, что, несмотря на дружелюбие местных жителей, это плохое место для устройства миссионерской станции по причине скудости и рассеянности населения» [18, р. 326]. Вместе с миссионером Эйхом они отправились в Порт-Хатцфельд (к северо-востоку от Маданга). Однако «местные жители были несколько подозрительными к немцам, и изначальное недопонимание дошло до того, что немцам пришлось применять суровые меры, чтобы поставить аборигенов на своё место. В тот момент для миссионеров не было никакой надежды на успешное устройство миссии там». Затем Эйх думал основать миссию на Били-Били, «но Кубари не дал ему разрешения на это. Однако в конце концов согласился продать миссионеру 6 гектаров земли около деревни Богадьим с большой выгодой для компании» [18, р. 327].

В ноябре 1887 г. была основана первая станция Рейнской лютеранской миссии. «8 ноября 1887 г., наконец, переговоры с Н[ово] Г[винейской] Ко[мпанией] увенчались успехом, и поэтому брат Эйх мог приступить к переезду в Богадьим. В первую ночь он нашёл пристанище под навесом из пальмовых листьев, возведённым незадолго до этого. Он оставался в одиночестве в течение трёх месяцев, страдая от частых припадков лихорадки, которая приковала его к постели и чуть не привела к краю могилы, пока 5 января 1888 г. молодые братья Шейдт и Бергманн не прибыли на помощь. Они нашли Шритте ожидающим их в очень мрачном положении духа. Больной, с ноющими частями тела, едва способный передвигаться, совершенно одинокий и потерянный, он находил силы заниматься приготовлениями к закладке запланированной станции (которой, казалось, были очень рады местные жители)» [19, 2.997, s. 53].

Приезд белых людей, которых папуасы называли «Маклай», и постройка им дома обозначали, что данная деревня становится более значимой на фоне других деревень побережья, поэтому первоначально жители выражали свою радость. Достаточно быстро эйфория у папуасов прошла, не из-за действий миссионеров, а из-за действий служащих Новогвинейской компании. Так, Ч. Сентинелла приводит такие сведения относительно деревни Бонгу: «В 1887 г. в отчёте глава администрации (плантации около Бонгу. — А.Т.) жалуется, что жители Бонгу отказываются продавать новые земли, более того сами предлагают множество свиней и другие ценности, чтобы вернуть землю, которую отдали» [18, р. 324]. О самих миссионерах этот автор отзывается с большой симпатией: «Первые миссионеры были почти без исключения самоотверженными мужчинами

и женщинами. Степень их героизма можно оценить благодаря следующему факту: всего через несколько лет после прибытия на Берег Маклая 10 из 20 мужчин и женщин либо были убиты, либо умерли от тропических болезней, либо вынуждены были вернуться на родину, подорвав своё здоровье» [18, р. 324].

В январе 1889 г. «братья (Эйх и Шейдт. — А.Т.) страдали от сильнейших приступов малярии. Несмотря на все невзгоды, братьям удалось организовать школьные занятия, которые проходили в доме одного из аборигенов. К сожалению, они должны были оставить это начинание из-за обиды со стороны некоторых жителей деревни Богадым. Папуасы ожидали, что посещение школы будет приносить им значительное количество табака (*кась*). Их надежды не оправдались, поэтому посещения школы становились всё менее и менее регулярными, пока не прекратились совсем» [19, 2.997, с. 55].

Занятия в школе были тем самым «непонятным», навязываемым туземцам видом деятельности, который они первоначально рассматривали как способ получения табака. Примечательно, что в течение почти полутора лет (с ноября 1887 по январь 1889 г.) рейнские миссионеры не очень активно контактировали с местным населением. Упоминание о том, что брат Эйх «оставался в одиночестве», проживая в крупной папуасской деревне, показывает, что отношение миссионеров к местным жителям было совсем не таким, как у Н.Н. Миклухо-Маклая.

Постепенно Рейнское лютеранское общество расширило сеть станций в заливе Астролябия. Так, 25 января 1899 г. братья Бергманн, Шейдт и прибывший год тому назад брат Кунце отплыли из Богадым для того, чтобы основать новую миссионерскую станцию на о. Сиар [19, 2.997, с. 56] (о. Тиара — на карте Н.Н. Миклухо-Маклая), несколькими годами позже была основана станция на о. Рагетта.

7 июля 1896 г. брат Август Ханке, недавно прибывший из Германии, отправился в Бонгу и основал там одноимённую станцию [19, 2.997, с. 59]. Это стало возможным, в частности, благодаря тому, что Ян Кубари — «лорд-бог залива Астролябия» — в начале 1890-х гг. переехал из Бонгу в Богадым. Именно Я. Кубари препятствовал строительству станции в Бонгу и на о. Били-Били. Когда же поблизости от Бонгу в колонии Штефансорт обосновалась колониальная администрация после эпидемии малярии в Порт-Финше [14, р. 167], администрация Новогвинейской компании постаралась дистанцироваться от неё. В 1895 г. Я. Кубари был окончательно уволен из Новогвинейской компании, и градус противостояния между местными жителями и немцами существенно снизился.

Если подвести итог деятельности миссии по основанию новых станций, то окажется, что почти все первые станции были связаны с теми местами, где работал Н.Н. Миклухо-Маклай, — это и Бонгу, и Богати (Богадым), и о. Били-Били, и острова Довольных Людей. Позднее строительство станции в Бонгу, а также полный отказ от строительства станции на о. Били-Били, судя по всему, связаны с противодействием Я. Кубари.

А строительство первой станции в деревне Богадым — результат неизвестной нам сделки: Богадым — это, с одной стороны, место, хорошо описанное в работах Н.Н. Миклухо-Маклая, с другой — расположенное достаточно далеко от штаб-квартиры Новогвинейской колониальной компании в Штефансорт, а жители не имеют такого влияния на окрестное население, как жители о. Били-Били. Основание станций на островах Сиар и Рагетта также было закономерным, поскольку именно здесь находилась наиболее удобная для военных кораблей гавань, именно сюда со временем был перенесён центр колонии, а на его месте вырос региональный центр австралийской колониальной эпохи — Маданг.

В первом десятилетии XX в., и речь об этом пойдёт в следующем разделе, немецкие миссионеры осознали, что для более эффективной деятельности им необходимо проникнуть вглубь побережья. Именно с этой целью были основаны станции Амеле в 1916 г. [19, 2.996, s. 1] и Кеку в 1918 г. [19, 3.000, s. 1], которые размещали в отдалении от береговой линии.

ИЗУЧЕНИЕ МЕСТНЫХ ЯЗЫКОВ

Вслед за основанием станций была проведена значительная работа по изучению языков местных жителей. В 1898 г. А. Ханке из Бонгу писал о существовании у мужчин этой деревни тайного языка: «Недавно я открыл что-то вроде тайного языка, называемого „яу балань“, который используют при общении друг с другом мужчины. Как следует перевести слово „яу“, я на данный момент не знаю. Однако думаю, что лучше всего для него подходит слово „жаргон“. Этот „яу балань“ употребляется, когда женщины не должны понимать, о чём идёт речь, а в остальных случаях — преимущественно на море, чтобы обмануть враждебных им морских духов. Так, например, „мунги“ (кокос) называется „гательгун“, „гхобун“ (канэ) — „шуруле“, „валь“ (море) — „батрет“» [20, 1898, s. 36—37].

Несколько слов тайного языка были зафиксированы лингвистом О. Демпфольфом у молодых людей с о. Били-Били, отправленных на работу в Дар-эс-Салам в 1906 г. Автор, однако, не оставил никаких комментариев к списку слов тайного языка, поместив их в приложение. Тайный язык о. Били-Били называется *кагцу гом*. В нём встречаются географические названия: например, *уруре* — большая деревня, так обозначался о. Ябоб, *лесунья* — острова Сиар и Руо, а также названия съедобных растений: *ауаренек* — таро (тропический корнеплод), *дуган* — ямс и т.д. [9, s. 261].

Эти отрывочные сведения не позволяют сделать какие-то выводы об использовании тайного языка. Однако наличие географических названий наводит на мысль, что одной из его задач было кодирование знакомых пространств таким образом, чтобы непосвящённые не могли понять, о каких хорошо известных им топонимах идёт речь [4, с. 271; 3]

Наиболее эффективная работа по изучению языка и переводу религиозных текстов шла в Бонгу. В сообщениях А. Ханке очень часто приводятся целые фразы на местном наречии. «В воскресенье после восхода я вместе с женой отправляюсь в деревню <...> Я обхожу деревню и приглашаю мужчин на прослушивание Ротой-балань (Божественного слова), в то время как моя жена приглашает женщин. Один говорит: „Аба, адьи мойбоон, адьи алям генар таталь“ (Друг (таков перевод А. Ханке. — А.Т.), я болею лихорадкой, сегодня не могу прийти). Другой отвечает так: „Мем, ни оне адьи йо бороле съен, йо аранбоон“ (Отец, посмотри, у меня тяжёлая рана, которая ужасно болит), — вряд ли стоит упоминать, что речь идёт об укусе насекомого. Третий говорит примерно следующее: „Адьи магхле уратес“, — дословно: „[Приду] когда я наемся“» [20, 1899, s. 118].

К 1905 г. А. Ханке дал предварительную оценку языковому разнообразию Берега Маклая. Изначально он работал над проверкой гипотезы, являются ли папуасские наречия диалектами одного языка, подобно тому, как швабский, рейнский и мекленбургский диалекты составляют немецкий язык, или это самостоятельные отдельные языки, малородственные друг другу. Миссионер сравнил языки четырёх поселений залива Астролыбия: Бонгу, Богадым, Сиар и Рагетта. В качестве сравнительного материала он использовал материалы книги «Меланезийские языки» Роберта Г. Кодрингтона. В итоге исследователь пришёл к выводу, что языки жителей Бонгу и Богадым, с одной стороны, и Сиар и Рагетта, с другой стороны, относятся к разным языковым семьям. При этом последние — меланезийские — языки имеют большое количество общих слов и сходства в грамматике с языками других островов Меланезии. Языки же папуасских племён — бонгу и богадым — отличаются от всех известных языков весьма существенно [13].

Ещё в 1897 г., т.е. через год после основания станции, А. Ханке начинает перевод религиозных текстов на язык бонгу. «Первую заповедь я перевёл следующим образом: „Адьи, Егова, ротой нунгаи зуар, ни ротой бе генар аква“, — что значит: „Я, Иегова, единственный Бог, ты не должен ходить к другим богам“» [20, 1898, s. 36]. Первый же перевод текста Святого Писания на язык сиар помещён в «Сообщениях...» в 1908 г. Следовательно, появился он более чем через 20 лет после основания миссии. Миссионер Вебер со станции Сиар пишет о том, что он вместе с учениками школы перевёл несколько текстов из Священного Писания. В качестве примера он приводит легенду о Каине и Авеле на немецком и её перевод на сиар. Прочитируем небольшую часть этого текста: «Anute Kain wagi, i pai: oina tai Abel domten? Kain ibol: no so nasi; aitoi na naiak taik dab nenu woi? I ai kitek tea». Немецкий вариант: «Тогда позвал Бог Каина и спросил: где твой брат Авель? Каин сказал: я его не видел, почему я должен следить за своим братом, он не маленький мальчик» [20, 1909, s. 118].

Два последних примера показывают, что для обозначения Бога используется меланезийское слово *Анут*, а также бонгуанское *Ротой*. Этот факт важен, поскольку с его помощью мы можем определить в дневниках

Н.Н. Миклухо-Маклая, а также сообщениях австралийских исследователей, у какой части жителей залива Астролябия взято то или иное утверждение. Так, в книге «Шаги по морю» Джон Гаррет пишет про Н.Н. Миклухо-Маклая: «На регион оказало влияние проживание здесь, в заливе Астролябия и на Побережье Рай, Николая Миклухо-Маклая, который был принят радушно и впоследствии стал местной легендой. Будучи внимательным наблюдателем, он соблюдал местные обычаи, не захватывал землю и, кажется, стал новым воплощением возвращающегося и приносящего дары мифологического предка-творца по имени Анут». Несмотря на то, что Гаррет не даёт указаний на то, где данное мнение было распространено, мы можем однозначно связать его с носителями меланезийских языков, проживавших на островах Сиар, Рагетта, Били-Били и в ряде деревень побережья [7, с. 383; 5, с. 162].

Также можно сделать вывод о том, что качество изучения языков на станциях было разным. Однозначным лидером можно признать миссионера А. Ханке из Бонгу. И, на наш взгляд, этот факт следует связывать не столько с его собственными способностями, сколько с тем, что, во-первых, он имел возможность использовать словарь Н.Н. Миклухо-Маклая как отправную точку своих лингвистических исследований. Во-вторых, большой опыт общения местных жителей с европейцами и, очень вероятно, более дружелюбное, нежели в других местах, отношение аборигенов к нему позволяли миссионеру гораздо быстрее своих братьев исследовать местный язык.

В качестве контрпримера можно привести записи о миссионере Арффе, который работал в Богадым. Чарльз Сентинелла пишет о нём следующее: «...после последовательных попыток в течение трёх лет выучить язык и жизни бок о бок с местными жителями он имел словарный запас в 350 слов, в значении которых был уверен. Они (местные жители. — А. Т.) никогда не исправляли его ошибки, и ошибки влекли за собой новые. Результатом был словарный запас, с помощью которого миссионер мог уверенно, но очень ограниченно общаться с местными жителями, однако который лишь очень отдалённо напоминал местное наречие» [18, р. 330].

В завершение этого раздела будет уместно вспомнить критиков Н.Н. Миклухо-Маклая, например, среди российских учёных, которые писали о том, что лингвистические успехи путешественника были минимальны [1, с. 31]. Возможно, Н.Н. Миклухо-Маклай не сделал абсолютно правильного описания языка, возможно даже, что он не очень точно представлял, слова какого наречия он в данный момент использует. Однако он не был профессиональным лингвистом и не владел методиками изучения неизвестных языков. Он не очень отчётливо представлял, с каким количеством языков имеет дело, а также с какими их видами сталкивается. Всё вышеперечисленное делает словарь Н.Н. Миклухо-Маклая в несколько сотен слов, собранный им за два полуторалетних посещения Берега Маклая, очень серьёзным шагом вперёд в этнографическом исследовании.

СОБЫТИЯ РУБЕЖА ВЕКОВ

В 1899 г. земли Новогвинейской компании переходят под прямое управление германской администрации. Если компания придерживалась принципа «Лучше ружья, чем миссионеры» во взаимоотношениях с местными жителями, то новая администрация, по всей видимости, стала пенять миссионерам на неэффективность их работы.

В 1903 г. на страницах «Сообщений...» появляется интересный заголовок: «Больше времени — меньше дел». Вслед за ним шёл следующий текст: «С большим увлечением друзья Новогвинейской миссии в последние полгода следили за новостями из Страны слёз и страданий. „И где же мы находимся сейчас? — спрашивали нас. — Как обстоят дела с дружественным отношением к христианству? Хотят ли действительно папуасы креститься? Когда же будет крещён первый человек?“» [20, 1903, s. 139—140].

И буквально на следующей странице присутствует сообщение миссионера Хоффманна, который пишет о резком увеличении количества людей, приходящих на занятия в школу. «В Богадим школа, в которой ведётся служба, часто не вмещает всех пришедших, и миссионер Хоффманн вынужден вести службу под открытым небом. У наших миссионеров нет оснований сомневаться в незаинтересованности пришедших <...> Чужой человек, не знакомый с местной обстановкой, при виде полностью занятых мест в школе, хорошо посещаемых служб, спокойствия и внимания, с которым [местные жители] слушают проповедь, может подумать, что он оказался в языческо-христианской общине». Описание тем же священником проповеди демонстрирует заинтересованность папуасов в происходящем: «Часто я имел возможность всего лишь несколько минут говорить о чём-то одном, затем начинались вопросы и вопросы. Вся проповедь становилась одной большой беседой, во время которой мне приходилось очень непросто» [20, 1903, s. 142].

В 1903 г. четыре школы при миссиях посещали 128 чел. [20, 1903, s. 143]. Важно отметить, что уровень школьных знаний местных жителей в то время был уже достаточно высок. «Также миссионер Ханке ведёт для старшеклассников занятия по немецкому языку. С каждым годом школы выпускают всё больше детей. Миссионер Хоффманн надеется со временем сделать из бывших учеников школьных помощников. А миссионер Ханке пишет, что три выпускника его школы настолько продвинулись в изучении библейской истории, что он не считает необходимым переэкзаменовывать их, когда они решат принять крещение».

Оба данных отрывка показывают, насколько внимательно и обстоятельно подходили рейнские миссионеры к обучению желающих принять христианство. Отсутствие результатов, в котором упрекает миссионеров в Новой Гвинее автор статьи из штаб-квартиры миссии, скорее связана с изменившейся политической ситуацией. Речь идёт, на наш взгляд,

не столько о низкой эффективности работы миссии вообще, сколько об очень высоких стандартах обучения и неспешности работы. Однако политическая обстановка начала XX в., определявшаяся подготовкой к Первой мировой войне и соревнованием держав за влияние в колониях, безусловно, требовала ощутимых, воплощённых в цифрах результатов.

В 1903 г. наконец происходит первое крещение. Однако оно не сразу влечёт за собой многочисленные переходы в христианскую веру. Первый крещёный — мальчик по имени Гумбо — был сиротой и долгое время работал прислугой миссионера Хоффманна на станции Богадым. Впервые о его желании креститься «Сообщения...» объявили в 1903 г. [20, 1903, s. 143]. В декабре того же года миссионеры всех четырёх станций прибыли на первое крещение в лютеранскую веру в Новой Гвинее [20, 1904, s. 53]. Впрочем, радость была преждевременной. В 1906 г. миссионер Диль писал о Гумбо: «Сейчас у него большие проблемы с тем, чтобы найти себе жену, поскольку язычники всеми возможными способами стараются помешать этому. Когда он захотел обручиться с одной девушкой, которая также была согласна, её срочно выдали замуж за другого человека» [20, 1906, s. 100]. Гумбо в дальнейшем был отправлен в Порт-Финш, где уже были крещёные папуасы, и давление на него со стороны общины стало намного меньше.

Чрезвычайно важно отметить, что в «Сообщениях...» 1904—1906 гг. ничего не говорится о так называемом Восстании Сиар. Согласно распространённому преимущественно в австралийской историографии мнению, 26 июля 1904 г. группа жителей островов Сиар, Рагета, Богадым и Руо попыталась атаковать порт Фридриха Вильгельма и была рассеяна ружейным огнём. Единственное упоминание о подобном событии относится только к 1912 г. «Наши сообщения о планировавшемся и в самый последний момент предотвращённом, слава Богу, восстании в округе порта Фридриха Вильгельма мы завершили словами: „В ноябре Новогвинейская миссия отмечает 25-летний юбилей. Печальный юбилей“. К этому нельзя ничего добавить в связи с тем, что мы собираемся сообщить. Ничего нельзя написать и о судьбе станции Сиар — Рагетта, поскольку у неё, говоря проще, нет будущего. Из-за переселения жителей маленьких островов на материк, преимущественно на побережье Рай, миссия лишилась тех, ради кого она работала, всё, что сделано, похоронено» [20, 1913, s. 25].

Здесь мы не имеем возможности разобрать все доводы сторонников и противников того, было это восстание реальным или вымышленным. Приведём лишь слова историка Германа Хиери, который считает, что Мадангское восстание, известное в устных исторических нарративах как Восстание Сиар, было выдумано: «Австралийская колониальная администрация предположительно „была заинтересована в увековечивании фантома так называемого восстания, чтобы дискредитировать немцев“» [15, p. 171].

ОСВОЕНИЕ ВНУТРЕННИХ РАЙОНОВ

В 1909 г. миссионер Диль, работавший в Богадьим, предпринял поход во внутренние районы Новой Гвинеи для оценки потенциальной возможности работы с жителями соседних деревень, находящихся поблизости от станций. 28 августа он отправился с несколькими помощниками из числа выпускников школы из Богадьим. Путь его пролегал вверх по р. Гуанья, затем через горные деревни Балай, Орумге и Адьюай к р. Нуру. По ней он спустился до деревни Киомбона и вновь двигался параллельно морю примерно в 15 км от побережья через сёла Бади, Бангу, Элио, Яхиль, Паним, Силибоб. Наконец от деревни Эту, находящейся на горе Ханземанна, он вышел к станции Сиар.

Итогом поездки стало подтверждение чрезвычайного разнообразия папуасских языков. Диль писал: «С сожалением во время своего путешествия я вновь осознал, что земли вдоль залива Астролябия относительно слабо заселены, однако языковая раздробленность очень велика. Слово „отец“ звучит на языке богадьим „абу“, на языке балай и адьюай — „бау“, на языке банси (на реке Нуру) — „яй“, на языке уруру — „мунибаде“, на языке дьедьайне — „де“, на бангу — „валак“, на языке захаху — „ау“, на языке паним — „мем“» [20, 1910, s. 51].

Однако миссионеры не совсем точно оценили на тот момент масштаб проблемы. Автор заметки «Некоторые мысли о современном состоянии Новогвинейской миссии и её задачах» писал: «Следует отметить, что представители Миссии Нойдетельзау в своей области столкнулись с такой же раздробленностью языка, как и мы. Однако в настоящее время у них имеется только два языка, на которых ведутся преподавание в школе и церковные службы, один — для жителей побережья и один — для жителей гор (Ябим и Кай) <...> Возможно ли такое в нашей области Новой Гвинеи? Мы надеемся, что да! Миссионер Ханке показал в своём сравнительном исследовании, что мы в Новой Гвинее имеем дело с двумя совершенно различными племенами: папуасским — во внутренних районах — и меланезийским — на побережье». Автор заметки, скрывающийся за инициалами Э.К. (по всей вероятности, это Эдвард Криле, глава штаб-квартиры миссии в Бармене), также предлагал обсудить эту проблему на очередной конференции новогвинейских миссионеров [20, 1910, s. 54].

В 1912 г. миссия должна была праздновать 25-летний юбилей. Впрочем, он оказался омрачён очередным восстанием островитян недалеко от порта Фридриха Вильгельма (современный Маданг). Несколько выходя за временные рамки настоящей работы, отметим, что в 1924 г. население возвратилось на о. Рагетта и на нём была построена новая церковь.

Вместе с тем путешествия миссионеров и знания о том, что прибрежные станции потенциально охватывают лишь незначительное число людей, привели к изменению стратегии работы Рейнской лютеранской

миссии: она начала движение вглубь континента. В 1916 г. была основана станция Амеле на р. Гогол. «В течение многих лет мы говорили: „Нам необходимо проникать вглубь острова“, — но это было невозможно. Сейчас, в военное время, возможность появилась. Новая станция называется Амере (ошибка, правильное название — Амеле, в последующих публикациях она будет исправлена. — *А.Т.*), и она находится примерно на полпути между горами Ханземан и станциями Бонгу — Богадым. Четыре часа вглубь острова, по левому берегу реки Гогол» [20, 1917, s. 85].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор сообщений немецких миссионеров Рейнской лютеранской миссии выявляет два очень интересных факта.

Первый — несоответствие негативной оценки деятельности немецкой лютеранской миссии, которая присутствует во всех англоязычных работах, оценке результатов своей деятельности немецкими миссионерами. Широкое распространение идеи об их провале в Папуа — Новой Гвинее в значительной степени связано с тем, что после 1914 г. «владельцами истории» стали австралийцы.

С одной стороны, невысокая оценка работы миссии связана с поверхностностью суждений и оперированием общими цифрами. Так, известный антрополог П. Лоуренс пишет в статье о роли Лютеранской миссии в жизни провинции Маданг: «На протяжении очень долгого времени их (первых миссионеров. — *А.Т.*) отвага оставалась без вознаграждения: первые люди приняли христианство лишь через 13 лет работы Миссии Нойдетельзау и через 16 лет работы Рейнской миссии. Но даже те местные, кто принял крещение в это время, не оставались верны новой вере» [16, p. 75]. С. Ферс пишет, что деятельность Рейнской лютеранской миссии накануне войны вошла в фазу стагнации [10, p. 151]. Эта оценка не совсем верна. Как было сказано выше, лютеранские миссионеры придерживались очень высоких стандартов обучения неофитов и очень внимательно прислушивались к их желаниям, не принуждая людей к принятию новой веры, именно поэтому работа с местными жителями шла так медленно. Однако в 1914 г. и после она дала кумулятивный эффект: начались массовые крещения жителей залива Астролябия, причём среди крещёных были и лидеры местных сообществ.

С другой стороны, в англоязычных работах, в особенности основанных на нарративных источниках, есть тенденции к объединению образов немецких миссионеров и служащих колониальной администрации. В частности, Д. Гарретт пишет: «Генрих Хельмих, который был основателем миссии на острове Рагетта, был членом трибунала, который приговорил лидеров Восстания Сиар к смерти. Он всеми силами разрушал культ, связанный с мужской инициацией, и практиковал телесные наказания за то,

что он называл отсутствием субординации. Эрнст Вебер на Сиар вёл себя похожим образом. Он был одержим порядком и сексуальной моралью и, возможно, страдал психическими расстройствами» [11, р. 22]. Автор процитированного фрагмента даёт крайне негативную оценку деятельности миссионеров, причём в качестве одного из основных аргументов приводит участие в деятельности трибунала. Однако, если мы вспомним отношения миссионеров с колониальной администрацией, и в особенности с администрацией Новогвинейской компании, то может оказаться, что формальное и принудительное участие миссионера в заседаниях трибунала было воспринято англоязычными исследователями как добровольное и закономерное.

Второй факт — избегание упоминаний о Н.Н. Миклухо-Маклае, а также отказ от признания его влияния на культуру местных жителей. Так, А. Ханке упоминает имя Маклая только в эпизоде, где говорится о том, что этим словом называют всех европейцев [20, 1913, s. 267]. Вместе с тем объективный успех самого А. Ханке в изучении языка Бонгу, а также успех школьной работы в этой же деревне и последующих крещений в 1914—1916 гг. показывают, что влияние Н.Н. Миклухо-Маклая на восприятие европейцев местными жителями было весьма существенным. На наш взгляд, именно авторитет русского учёного в значительной степени обеспечил успешность деятельности миссионеров в Бонгу и Богадым.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Беликов В.И. Баллал-Маклай («Слово Маклая») // Кунсткамера: вчера, сегодня, завтра. СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 27—31.
2. Бутинов Н.А. Воспоминания папуасов о Миклухо-Маклае по свидетельствам позднейших путешественников // Миклухо-Маклай Н.Н. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1950. Т. II. С. 739—750.
3. Станюкович М.В. Эпос и память живых и мёртвых // Классический фольклор сегодня: Материалы конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Б.Н. Путилова. Санкт-Петербург, 14—17 сент. 2009 г. / отв. ред. Т.Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 472—491.
4. Станюкович М.В., Козинцев А.Г. Крестики и нолики = кролики. О некоторых элементах тайного языка похоронных сказаний яттука, Филиппины // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 267—275.
5. Старое и новое в изучении этнографического наследия Н.Н. Миклухо-Маклая: очерки по историографии и источниковедению / отв. ред. и сост. П.Л. Белков. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 252 с.
6. Тумаркин Д.Д. Белый папуас: Н.Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. СПб.: Восточная литература, 2011. 623 с.
7. Тугорский А.В., Винецкая А.А. Берег Маклая 140 лет спустя (Фигура учёного и трансформация культуры папуасов) // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 4. С. 381—390.

8. Ballard C. The Return of the Past: On Drawing and Dialogic History // *The Asia Pacific Journal of Anthropology*. 2013. Vol. 14. No. 2. P. 136—148.
9. Dempwolf O. Beiträge zur Kenntnis der Sprache von Bilibili // *Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin*. Berlin, 1909. Jg. XII. Abt. I. S. 221—261.
10. Firth S. *New Guinea under the Germans*. Melbourne: Melbourne University, 1983. 216 p.
11. Garret J. *Footsteps in the sea: Christianity in Oceania to World War II*. Geneva, Switzerland: World Council of Churches; Suva, Fiji: Institute of Pacific Studies, University of South Pacific, 1992. 514 p.
12. Govor E., Manickam S.K. A Russian in Malaya: Nikolai Miklouho-Maclay's expedition to the Malay Peninsula and the early anthropology of Orang Asli // *Indonesia and the Malay World*. 2014. Vol. 42. No. 123. P. 222—245.
13. Hanke A. Die Sprachverhältnisse in der Astrolabe-Bai in Deutsch-Neuguinea // *Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin*. Berlin, 1905. Jg. VIII. Abt. I. S. 255—262.
14. Hempenstahl P.J. *Pacific Islanders under German Rule: a study in the meaning of colonial resistance*. Canberra: Australian National University Press, 1978. 264 p.
15. Hiery H. The Madang revolt of 1904: A chimera // *Small Wars & Insurgencies*. 1993. Vol. 4. No. 2. P. 165—180.
16. Lawrence P. *Lutheran Mission Influence on Madang Societies // Oceania*. 1956. Vol. XXVII. No. 2. P. 73—89.
17. Lawrence P. *Road belong cargo: a study of cargo movement in Southern Madang province*. Melbourne: Melbourne University Press, 1964. 291 p.
18. Sentinella C. *Astrolabe Bay after Maclay's Death // Mikloucho-Maclay New Guinea Diaries 1871—1883*. Madang, Papua-New Guinea: Kristen Press, 1979. P. 338—357.
19. AVEM (Archive der Vereinigte Evangelische Mission zu Wuppertahl) = Архив Объединённой лютеранской миссии в Вуппертале.
20. *Berichte der Rheinische Missions-Gesellschaft* = Ежегодные Сообщения Рейнского миссионерского общества, находящиеся в Архиве Объединённой лютеранской миссии в Вуппертале.
21. University of Sydney Archive. Accession № 1113. Agency P. 170. Series 3. Box № 4. Notebook № 151 = Архив Сиднейского Университета. Фонд № 1113. Раздел P. 170. Дело № 3. Коробка № 4. Записная книжка № 151.

REFERENCES

1. Belikov V.I. Ballal-Maklaj ("Slovo Maklaja") [Ballal-Maklaj (The Word of Maclay)]. *Kunstkamera: vchera, segodnja, zavtra* [Kunstkamera: Yesterday, Today, Tomorrow]. Saint Petersburg, МАЕН РАН Publ., 1997, pp. 27—31. (In Russ.)
2. Butinov N.A. *Vospominaniya papuasov o Mikluho-Maklae po svidetel'stvam pozdnejshih puteshestvennikov* [The Recollections of the Papuans about Miklukho-Maclay according to the Testimonies of the Later Travelers]. *Mikluho-Maklaj N.N. Polnoe sobranie sochinenij* [Miklukho-Maclay N.N. Complete Works]. Moscow, Leningrad, 1950, vol. 2, pp. 739—750. (In Russ.)
3. Stanjukovich M.V. *Jepos i pamjat' zhivyh i mertvyh* [Epos and Memory of the Alive and Dead]. *Klassicheskij fol'klor segodnja: Materialy konferencii, posvjashhennoj 90-letiju so dnja rozhdenija B.N. Putilova*. Saint Petersburg, 14—17 sentjabrja 2009 g.

- [Classic Folklore Today: Proceedings of the Conference Dedicated to the 90th Anniversary of B.N. Putilov. St. Petersburg, September 14—17, 2009]. Ed. by T.G. Ivanova. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2011, pp. 472—491. (In Russ.)
4. Stanjukovich M.V., Kozintsev A.G. Krestiki i noliki = kroliki. O nekotoryh jelementah tajnogo jazyka pohoronnyh skazanij jattuka, Filippiny [Noughts and Crosses = Rabbits. On Some Elements of the Secret Language of the Funeral Tales of Yattukca, Philippines]. *Radlovskij sbornik: Nauchnye issledovanija i muzejnye projekty MAEH RAN v 2015 g.* [Radlovskij Collection: Scientific Research and Museum Projects of MAE RAN in 2015], Saint Petersburg, MAEH RAN Publ., 2016, pp. 267—275. (In Russ.)
  5. *Staroe i novoe v izuchenii jetnograficheskogo nasledija N.N. Mikluho-Maklaja: ocherki po istorigrafii i istochnikovedeniju* [The Old and the New in the Study of N.N. Miklukho-Maclay's Ethnographic Heritage: Essays on Historiography and Source Study]. Ed. by P.L. Belkov. Saint Petersburg, MAEH RAN Publ., 2014, 252 p. (In Russ.)
  6. Tumarkin D.D. *Belyj papuas: N.N. Mikluho-Maklaj na fone jepohi* [White Papuan: The Portrait of N.N. Miklukho-Maclay and the Background of his Epoch]. Saint Petersburg, Vostochnaja literatura Publ., 2011, 623 p. (In Russ.)
  7. Tutorskij A.V., Vineckaja A.A. Bereg Maklaja 140 let spustja (Figura uchjonogo i transformacija kul'tury papuasov) [The Rai (Maclay) Coast 140 Years later (The Figure of the Scientist and Cultural Transformation of the Papuans)]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovanija*, 2014, no. 4, pp. 381—390. (In Russ.)
  8. Ballard C. The Return of the Past: On Drawing and Dialogic History. *The Asia Pacific Journal of Anthropology*, 2013, vol. 14, no. 2, pp. 136—148. (In Eng.)
  9. Dempwolf O. Beitrage zur Kenntnis der Sprache von Bilibili. *Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin*. Berlin, 1909, jg. XII, abt. I, s. 221—261. (In Germ.)
  10. Firth S. *New Guinea under the Germans*. Melbourne, Melbourne University Publ., 1983, 216 p. (In Eng.)
  11. Garret J. *Footsteps in the Sea: Christianity in Oceania to World War II*. Geneva, Switzerland, World Council of Churches Publ.; Suva, Fiji, Institute of Pacific Studies, University of South Pacific Publ., 1992, 514 p. (In Eng.)
  12. Govor E., Manickam S.K. A Russian in Malaya: Nikolai Miklouho-Maclay's Expedition to the Malay Peninsula and the Early Anthropology of Orang Asli. *Indonesia and the Malay World*, 2014, vol. 42, no. 123, pp. 222—245. (In Eng.)
  13. Hanke A. Die Sprachverhältnisse in der Astrolabe-Bai in Deutsch-Neuguinea. *Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin*. Berlin, 1905, jg. VIII, abt. I, s. 255—262. (In Germ.)
  14. Hempenstahl P.J. *Pacific Islanders under German Rule: a Study in the Meaning of Colonial Resistance*. Canberra, Australian National University Press Publ., 1978, 264 s. (In Germ.)
  15. Hiery H. The Madang Revolt of 1904: a Chimera. *Small Wars & Insurgencies*, 1993, vol. 4, no. 2, pp. 165—180. (In Eng.)
  16. Lawrence P. Lutheran Mission Influence on Madang Societies. *Oceania*, 1956, vol. XXVII, no. 2, pp. 73—89. (In Eng.)
  17. Lawrence P. *Road Belong Cargo: a Study of Cargo Movement in Southern Madang Province*. Melbourne, Melbourne University Press Publ., 1964, 291 p. (In Eng.)
  18. Sentinella C. Astrolabe Bay after Maclay's Death. *Mikloucho-Maclay New Guinea Diaries 1871—1883*. Madang, Papua-New Guinea, Kristen Press Publ., 1979, pp. 338—357. (In Eng.)